

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'367.6

О. В. Лукин

Во всех ли языках есть части речи?

Автор размышляет о взаимосвязи лингвистической типологии и лингвистической историографии на примере китайского языка. В статье устанавливаются основные причины исключительного влияния античной матрицы частей речи на развитие науки о языке в Европе. Вопрос о наличии частей речи в изолирующих языках рассматривается на примере истории грамматических описаний китайского языка.

Ключевые слова: теория частей речи, лингвистическая историография, лингвистическая типология, античная философия, флективные языки, изолирующие языки, грамматика.

O. V. Lukin

Do All Languages Have Parts of Speech?

The author considers interrelation between linguistic typology and historiography of linguistics, the Chinese language being taken as a case study. This article explains a great influential role of the ancient parts of speech matrix on the development of linguistics in Europe. The question of existence of the parts of speech in isolating languages is illustrated by means of the history of grammatical descriptions of Chinese.

Keywords: the parts of speech theory, historiography of linguistics, linguistic typology, ancient philosophy, inflectional languages, isolating languages and grammar.

История языкознания знает немало примеров, когда на развитие отдельной национальной лингвистической традиции свое влияние оказывал ряд факторов, нередко экстралингвистического свойства. Это, несомненно, сам статус исследований языка в жизни того или иного народа и связанные с ним задачи (работа со священными текстами, обучение языку и др.).

Но с этими факторами обязательно взаимодействовал собственно лингвистический – тип языка. О том, насколько мощное влияние оказал преимущественно флективный тип древнегреческого и латинского языков на развитие не только европейской лингвистической традиции, но и всей европейской цивилизации на протяжении более двух тысячелетий, нет нужды напоминать: десять категорий Аристотеля и восемь частей речи древнегреческого языка Дионисия Фракийского, эти два теснейшим образом взаимоопределяемые явления, были в центре внимания философской и лингвистической мысли Европы с античных времен вплоть до 19 века. Более того, номенклатура частей речи Дионисия служила

матрицей для описания ранее не описанных языков других континентов, языков с другими типологическими характеристиками. Этот «голубоглазый индоевропеизм», обусловленный флективным строем языков индоевропейской семьи, на протяжении более чем двадцати веков не имел реальной альтернативы по ряду причин:

1. Важной для частеречных исследований была сама исследовательская парадигма, вначале – философская и филологическая. Ни древнегреческие философы (Платон, Аристотель, стоики), ни александрийские филологи, ни многие другие вплоть до 19 столетия не ставили перед собой тех задач, которые ставят современные исследователи, например, грамматисты или лексикологи. Предметом и объектом их исследования были другие феномены, чем сейчас, но, самое главное, они осуществляли совершенно иные исследовательские программы с иными целями и задачами.

2. Значительную роль в становлении и развитии частеречной теории играл фактор престижа: престижности языков, престижности определенных социальных слоев и групп. Престижным

было все греческое в Древнем Риме, поэтому престижным был сам греческий язык, греческая культура, и грамматика греческого языка неизбежно стала для латинян образцовой грамматикой, матрицей для описания своего языка – менее престижного, но имеющего статус, сопоставимый лишь с греческим (других языков тогда «не было» – было лишь «бормотанье варваров»). А насколько престижным языком была латынь в средневековой Европе, вообще нет нужды говорить: это был единственный язык, на котором общались образованные, богатые и знатные европейцы на протяжении доброй тысячи лет.

3. Сам термин «части речи», появившийся в трудах Платона и Аристотеля для решения определенных философских задач, на протяжении всей истории своего существования претерпевал многочисленные переосмысления и в настоящее время понимается совсем не так, как во времена своего появления. Сейчас говорят не о «частях речи» как «частях словесного изложения», то есть мельчайших относительно автономных значимых единицах языка, вычленяемых из текста и классифицируемых на основании определенных критериев, а о «классах слов» словаря, то есть, прежде всего, единицах лексикографического описания. И этот факт – тоже прямое следствие флективного строения многих индоевропейских языков, где взятые вне текста существительные, местоимения, глаголы, наречия, союзы, предлоги и междометия образуют определенные в большей или меньшей степени открытые классы в соответствии с их формальными показателями.

4. Сформированная в античные времена частеречная традиция, нашедшая свое совершенное и почти окончательное воплощение в «Искусстве грамматики» Дионисия Фракийца и не претерпевшая существенных изменений у грамматистов Древнего Рима и даже в Средние века, получила статус непререкаемого авторитета. Развитая флективная морфология древнегреческого языка дала александрийским филологам прекрасную возможность выделить из речи ее составные части, которые на морфологическом уровне могли быть без труда противопоставлены друг другу. Глагол мог быть легко противопоставлен существительному или прилагательному, знаменательные части речи – служебным и т. п.

5. И хотя восемь частей речи в грамматике Элия Доната¹ – *имя (nomen), местоимение (pronomen), глагол (verbum), наречие (adverbium), причастие (participium), союз (coniunctio), предлог (praepositio), междометие (interiectio)* – явно

не имеют под собой единого формального «знаменателя», они стали примером при составлении позднейших грамматик – грамматик европейских языков, большинство из которых и принадлежало той же языковой семье, и обладало теми же в большей или меньшей степени выраженными характеристиками флективного языкового типа.

6. Восьмичленная номенклатура частей речи представляла собой систему, структуру которой, логику взаимных связей элементов и статус каждого из них в этой системе, принимали на веру десятки поколений ученых, всякий раз по-новому осмысливая и переосмысливая, внося новые и новые нюансы в зависимости от целей такого осмысления, а затем, в немалой степени, и от того языка, который описывался и на котором велось рассуждение.

7. Все европейские ученые, которые занимались частеречной проблематикой, были, во-первых, сами носителями флективных языков (сначала греческого, потом – латинского, в Средние века – использующими латынь как престижное средство научного общения, в том числе, и межнационального); во-вторых, носителями определенной научной европейской парадигмы, внутри которой они выросли и которую в пору своего ученичества принимали на веру как абсолют и поэтому не могли не продолжать своими трудами.

8. В центре описания европейских языков (от древнегреческого до современных языков) на протяжении длительного периода неизменно была грамматика, что тоже объяснялось их развитой морфологией флективного типа («было что описывать»).

9. И, наконец, сила традиции как инерционная сила в течение некоторого времени была в состоянии сдерживать развитие тех исследовательских направлений, которые явно вступали с ней в противоречие. Так, языки аборигенов Азии, Африки и Америки долгое время традиционно описывались в соответствии с дионисиевско-донатовской матрицей восьми частей речи.

Если обратиться к традиции описания языков иного типологического строя, например, китайской лингвистической традиции, нельзя будет не увидеть целый ряд ее отличий от европейской. Так, китайская лингвистическая традиция появилась, как принято считать, практически одновременно с европейской, а именно, в первом тысячелетии до н. э. [1, с. 12]. Однако в круг интересов китайских ученых входили лексикография, графика, толкование памятников, фонетика, но не грам-

матика, что вполне закономерно можно объяснить изолирующими характеристиками самого языка, ср., например: «...в древности ученые не изучали грамматическую систему китайского языка и присутствующие ей закономерности» [3, с. 7]. Различного рода словари и фонетические таблицы обновлялись, отражая актуальное состояние языка вплоть до 19 века, до знакомства с европейской традицией. Как справедливо замечает В. М. Солнцев, «...в рамках национальных традиций описывать изолирующие языки в их современном состоянии невозможно. Говоря о китайской национальной филологической традиции, в которой действительно не было разработано учение о слове и морфеме как разных понятиях грамматики, учение о частях речи и грамматических категориях и т. п., следует иметь в виду, что эта традиция была ориентирована на древнекитайский язык «вэнь-янь», который, по крайней мере в иероглифической записи, предстает как односложный (моносиллабический) и лишенный морфологии. Кроме того, традиционную филологию интересовал не столько собственно строй этого языка, сколько толкование и комментирование древних текстов» [9, с. 5].

В истории китайского языкознания традиционно противопоставляется два этапа, два периода: первый (до конца 19 века) – это собственно китайская лингвистическая традиция, второй – китайское языкознание под влиянием европейской традиции. Интересно, что второй период академик Н. И. Конрад оценивает «...не как явление, возникшее и развившееся исторически также в русле некоей своей традиции, в данном случае западноевропейской, а как науку о языке вообще» [5, с. 18].

Интерес к «частям речи» как в китайском, так и европейском языкознании после 19 века был спровоцирован знакомством китайцев с европейской грамматической традицией изучения языков с ведущими чертами флексии, а европейских авторов – с китайским языком. С этого времени китайскими и европейскими учеными непременно ставился вопрос о наличии в китайском языке частей речи – прежде всего, как желание вписать категории «нового» языка в привычный понятийный аппарат традиционной европейской лингвистики. При этом европоцентризм, «порочающий» шаблон, «голубоглазый индоевропеизм» довели как над теми, так и над другими. Причем, среди европейских авторов того времени можно было выделить две основные тенденции, соответствующие двум основным этапам их знакомства с китайским языком. На первом этапе

эти авторы (как правило, миссионеры) описывали язык с помощью понятийного аппарата, выработанного на материале индоевропейских языков (образцом при этом служили греческие и латинские грамматики либо грамматики родного языка автора). На втором этапе профессиональные лингвисты стали отказывать китайскому языку в грамматических категориях вообще (так, А. Масперо считал, что в китайском языке нет частей речи, нет грамматических категорий и вообще нет грамматики [11]). Но оба эти подхода были все равно тесно связаны с европейской грамматической традицией².

В 1898 г. вышла китайская грамматика Ма Цзянь-чжиуна «Ма ши вэньтун», в которой, как отмечает Н. И. Конрад, «...китайский автор ориентировался на грамматику французского языка, а через нее – на грамматику латинского...», хотя «уже в этот начальный момент обнаруживается невозможность построить грамматику своего языка целиком по схемам грамматик европейских языков» [5, с. 19].

Однако уже тогда, в конце 19 века, высказывались мысли, актуальные и современно звучащие сегодня. Выдающийся немецкий синолог Г. фон дер Габеленц писал, что «...огромное большинство китайских слов не относится к одной раз и навсегда определенной, а в зависимости от контекста предложения – порядка слов, сопровождающих служебных слов – то одной то другой части речи» (перевод наш. – О. Л.) [10, с. 328]. Для сравнения позволим себе привести слова современного автора В. А. Курдюмова: «...китайский язык не может быть сведен к набору изменяющихся слов, к банальному словарю и грамматике – границы слова размыты, а категориальная принадлежность не зафиксирована в его составе, будучи идентифицируемой только на основе контекста» [7, с. 10].

Дальнейшие дискуссии о наличии частей речи в китайском языке в той или иной мере продолжались начатые в конце 19 столетия. Некоторые из них носили политический, конъюнктурный характер, как, например, лингвистическая дискуссия в КНР о частях речи в китайском языке (подробнее об этом в нашей статье [8, с. 42–45]), вызванная небезызвестной дискуссией по вопросам языкознания 1950 года в СССР на страницах газеты «Правда».

Вышедший уже в XXI веке «Учебник классического китайского языка вэньянь» во многом повторяет идеи Г. фон дер Габеленца в отношении частей речи в китайском языке, подчас сме-

шивая понятия частей речи и членов предложения, например: «Слово в вэньяне часто соответствует однокоренным русским словам различных частей речи. Оно, как корень в русском языке, не соотносится с определенной частью речи. Слово вэньяня может употребляться в функции любого члена предложения и переводиться русским словом любой части речи» [4, с. XV].

Вопрос о наличии частей речи и их номенклатуре в китайском языке начиная с конца XIX века ставился с оглядкой на индоевропейские образцы. Так, существование в нем так называемых «функциональных классов слов» не подвергается сомнению, хотя называть их частями речи (употребляя традиционную терминологию) исследователь затрудняется, говоря, что само наличие частей речи в китайском языке на данном этапе предполагается еще недоказанным, хотя прибегнуть к каким-либо шифрованным обозначениям функциональных классов было бы вполне возможно, но не практикуется, чтобы не затруднять понимания текста³.

Ученые, говорящие об отсутствии частей в китайском языке, исходят в первую очередь из того, что этот изолирующий язык лишен тех средств, которые бесспорно маркируют слово как представителя той или иной части речи в языках флективного типа. Эту точку зрения можно квалифицировать как своего рода агностицизм европоцентристского толка: если в таком-то языке нет ясно выраженного склонения и спряжения, так как оно есть в греческом, латыни и некоторых современных европейских языках, значит, там нет ни существительного, ни глагола, ни вообще каких бы то ни было частей речи. Поиск же каких-либо формальных признаков внутри самого слова (его словоизменительные и словообразовательные закономерности), внутри композиций различных парадигм признается делом, не заслуживающим внимания.

С мнением о том, что части речи следует ожидать во всех языках, нельзя не согласиться: формальные противопоставления частей речи определены во всех языках, хотя в китайском языке они, разумеется, иного характера, чем в языках с преобладанием признаков флективного типа. И здесь следует ответить на вопрос, что первично и от чего следует отталкиваться: от существующих в сознании исследователя модели той или иной части речи и их системы, которая накладывается на конкретный языковой материал⁴, или от особенностей строения каждого отдельно взятого языка. Наши соображения, осно-

ванные на анализе источников по грамматике китайского языка, несомненно, свидетельствуют в пользу второго.

Библиографический список

1. Алпатов, В. М. История лингвистических учений [Текст] / В. М. Алпатов. – М.: Языки русской культуры, 2005. – 368 с.
2. Бергельсон, М. Б. Проблема частей речи в языках изолирующего типа (на материале бамана) [Текст] / М. Б. Бергельсон // Алпатов В. М. (отв. ред.) Части речи. Теория и типология. – М.: Наука, 1990. – С. 195–217.
3. Горелов, В. И. Теоретическая грамматика китайского языка [Текст] / В. И. Горелов. – М.: Просвещение, 1989. – 318 с.
4. Карапетьянц, А. М., Тань Аошуан Учебник классического китайского языка вэньянь. Начальный курс [Текст] / А. М. Карапетьянц, Аошуан Тань. – М.: Муравей, 2001. – 432 с.
5. Конрад, Н. И. О национальной традиции в китайском языкознании [Текст] / Н. И. Конрад // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1959. – № 6. – С. 18–27.
6. Коротков, Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка [Текст] / Н. Н. Коротков. – М.: Наука, 1968. – 282 с.
7. Курдюмов, В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика [Текст] / В. А. Курдюмов. – М.: ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД; ЛАДА, 2005. – 576 с.
8. Лукин, О. В. Дискуссия о частях речи и «Вопросы языкознания» в 1950-е годы [Текст] / О. В. Лукин // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 2002. – № 1. – С. 35–47.
9. Солнцев, В. М. Введение в теорию изолирующих языков в связи с общими особенностями человеческого языка [Текст] / В. М. Солнцев. – М.: Восточная литература (РАН: ОЛЯ, ИЯ), 1995. – 353 с.
10. Gabelentz, G. von der Chinesische Grammatik mit Ausschluss des niederen Stiles und der heutigen Umgangssprache [Text] / G. von der Gabelentz. – Leipzig: T. O. Weigel, 1881. – 553 S.
11. Maspero, H. La langue chinoise [Text] / H. Maspero // Conférence de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris. Année 1933. – Paris, 1934. – P. 33–70.

Bibliograficheskij spisok

1. Alpatov, V. M. Istorija lingvisticheskikh uchenij [Tekst] / V. M. Alpatov. – M.: YAzyki russkoj kul'tury, 2005. – 368 s.
2. Bergel'son, M. B. Problema chastej rechi v yazykakh izoliruyushhego tipa (na materiale bamana) [Tekst] / M. B. Bergel'son // Alpatov V. M. (otv. red.) CHasti rechi. Teoriya i tipologiya. – M.: Nauka. Gl. red. vost. lit., 1990. – S. 195–217.
3. Gorelov, V. I. Teoreticheskaya grammatika kitajskogo yazyka [Tekst] / V. I. Gorelov. – M.: Prosveshhenie, 1989. – 318 s.

4. Karapet'yants, A. M., Tan' Aoshuan Uchebnik klassicheskogo kitajskogo yazyka vehn'yan'. Nachal'nyj kurs [Tekst] / A. M. Karapet'yants, Aoshuan Tan'. – M.: Muravej, 2001. – 432 s.

5. Konrad, N. I. O natsional'noj traditsii v kitajskom yazykoznanii [Tekst] / N. I. Konrad // Voprosy yazykoznanija. – M.: Nauka, 1959. – № 6. – S. 18–27.

6. Korotkov, N. N. Osnovnye osobennosti morfologicheskogo stroya kitajskogo yazyka [Tekst] / N. N. Korotkov. – M.: Nauka, 1968. – 282 s.

7. Kurdyumov, V. A. Kurs kitajskogo yazyka. Teoreticheskaya grammatika [Tekst] / V. A. Kurdyumov. – M.: TSITADEL'-TREJD; LADA, 2005. – 576 s.

8. Lukin, O. V. Diskussiya o chastyakh rechi i «Voprosy yazykoznanija» v 1950-e gody [Tekst] / O. V. Lukin // Voprosy yazykoznanija. – M.: Nauka, 2002. – № 1. – S. 35–47.

9. Solntsev, V. M. Vvedenie v teoriyu izoliruyushhikh yazykov v svyazi s obshhimi osobennostyami chelovecheskogo yazyka [Tekst] / V. M. Solntsev. – M.: Vostochnaya literatura (RAN: OLYA, IYA), 1995. – 353 s.

10. Gabelentz, G. von der Chinesische Grammatik mit Ausschluss des niederen Stiles und der heutigen Umgangssprache [Text] / G. von der Gabelentz. – Leipzig: T. O. Weigel, 1881. – 553 S.

11. Maspero, H. La langue chinoise [Text] / H. Maspero // Conférence de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris. Année 1933. – Paris, 1934. – P. 33–70.

¹ Ср.: восемь частей речи в грамматике Дионисия: *имя, местоимение, глагол, наречие, причастие, член (артикли), союз, предлог* (подчеркнут артикли, вместо которого в латинской номенклатуре находим междометие).

² Ср.: «Если миссионерский подход можно назвать индоевропейским, т. е. взглядом на изолирующие языки через призму языков индоевропейских, то второй подход, по сути дела, есть не что иное, как тот же индоевропейский подход наизнанку» [9, с. 4].

³ Ср. «Хотя само наличие частей речи в китайском языке на данном этапе предполагается еще недоказанным, чтобы не затруднять понимания текста, мы не прибегаем к каким-либо шифрованным обозначениям функциональных классов, условно пользуясь общепринятой терминологией частей речи» [6, с. 48].

⁴ Ср.: «В большинстве работ, посвященных описанию конкретных языков, ... определения конкретных частей речи представляют собой набор разнородных признаков, необходимых и достаточных для отнесения слова к некоторому априорно заданному классу» [2, с. 196].